

Т.В. Романова

АКСИОЛОГЕМА 'КАЗЕННЫЙ' В РОМАНЕ О. ПАВЛОВА «КАЗЕННАЯ СКАЗКА (НАРОДНЫЙ РОМАН)» [1]

Предметом рассмотрения в статье является аксиологический смысл определения 'казенный', его роль в концептуальной структуре текста романа О. Павлова «Казенная сказка». Анализируются языковые единицы, репрезентирующие данный смысл, дается словарное толкование языковых единиц, комментируются их речевые контексты.

Ключевые слова: *концепция, концептуальный смысл, концептуальная структура текста, субкатегория, аксиологема.*

«Текст, как особая речемыслительная форма, позволяет представить некоторую картину мира (фрагменты мира) в виде развернутой системы представлений, суждений, идей, то есть концепции, - в отличие от неразвернутых форм» [2, 74]. Концепция – это не просто существующая в отрыве от текста система представлений идей, но система, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, а значит, построенная на вполне определенной модально-оценочной базе. В качестве основной единицы смысловой структуры текста принято рассматривать значимый смысл, то есть такой смысл, который непосредственно соотносится с концепцией (содержанием текста) в целом. Концептуально значимый смысл – это сложное семантическое образование. Он включает, во-первых, предметно-фактическую информацию о некоторой (сигнификативной) ситуации, объединенную не только единством ситуации, но и общностью приписываемого ей (информации) модального значения. Во-вторых, это модальное значение, образующее оболочку предметно-фактической информации. Концепция – система представлений, идей,

пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, следовательно, это фрагмент ее концептосферы (совокупности концептов).

Отношение писателя к изображаемому фиксируется в авторских текстовых сферах, субкатегориях, подчиненных общим текстовым категориям, в категориях не дифференцированных на уровне языка и речи. Аксиологема – субтекстовая категория авторской эмоционально-интеллектуальной оценки. Оценки характеризуют как будто персонажей, но в большей степени самого автора, субъективные ценности, отражающие его аксиологическую систему.

Концептуальная структура текста, состоящая из концептуально значимых смыслов, в ее тезаурусном представлении включает элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематическая позиция, позиция повтора и т.д.). По существу можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам и всегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию – заголовок. Заголовок – ключ к концептуальной структуре произведения.

А. Вежбицкая вводит термины концепт-минимум и концепт-максимум. Концепт-минимум – это неполное владение смыслом слова, присуще рядовому носителю языка. Концепт-максимум – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Если перенести это на концепт-заголовок, то концепт-минимум – это содержание и объем концепта-заглавия на входе (до чтения), концепт-максимум – на выходе (после чтения). «Концепт – исходная точка семантического наполнения слова (заглавия. – *T.P.*) и одновременно – конечный предел развития» [3, 34]. Название –

компрессия концептуального смысла текста, оно определяет стратегию текста; тактикой, раскручивающей, как пружина, данный концепт, является модально-оценочная семантика.

В текстах московского писателя Олега Павлова в заголовочный компонент часто выносится определение *казенный* («Из нелитературной коллекции (Дневник писателя): «Казенный дом»; «Бывшие люди» // Октябрь. 1997. №6; «Казенная сказка (народный роман)» // Новый мир. 1994. №7), в других текстах оно частотно и символично («Степная книга: повествование в рассказах»). Предметом дальнейшего рассмотрения будет аксиологический смысл указанного определения в романе «Казенная сказка».

Значение заголовочного определения *казенный*, во-первых, приравнивается к значению '*казенная служба*'. Данное значение актуализировано, в сильной позиции эпитафия: «*Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробах покоилось во все века наше царство-государство, вечная всем память*». Во-вторых – к значению '*государственное дело*', которое актуализировано в сильной позиции названия главы 4.

Олицетворением понятия «казенный» в романе является русский капитан-служака. Контент-анализ текста выявил следующие синонимичные номинации: *капитан, степной капитан, старшина, солдат, служака, служивый, казарменный, служивый человек, богатырь*, находящиеся в отношениях гипонимии и различающиеся стилистическими и оценочными коннотациями. Для выявления интенционала и экстенционала текстового значения прилагательного *казенный* рассмотрим несколько контекстов.

1. Служивый человек обнаружился в Хабаровке **по натруженности всего облика, по скупым и грубым чертам**. Этот знак был глубже, чем столбовая статья, которую наживают на плацу солдафоны. Старшина был человеком коренастым, приземистым, похотим правдивей на горб, чем на столб. Солдатские черты делали его **безликим, сравнимым разве что с миллионом ему подобных служак**. Однако тот миллион образовывал гущу народа, в которой **исчезает всякий отдельный человек**. Хабаров родился у простых людей, которыми и назван был как проще. **Не имел семи пядей во лбу, не имел готового наследства** и уже поэтому увяз в той гуще, из которой и явился на свет. Суждено ему было, вот уж правда, замешаться в ней будто комком. Жизнь в той гуще не перетекает по годам и годами не сотрясается. Время тут не приносит легких, быстрых перемен, а потому и вовсе без него живут, разумея попросту, что всему свой черед. Что замешивалось, про то узнают через века. А кто жил да помирал, так ничего и не узнает. **Остался Иван Хабаров служить – за паек и рупь казенного жалованья, которым не побалуешь**. Чтобы ни случилось, Хабаров думал: **«Поворачивать некуда, надо терпеть»**. И он же думал чтобы ни случилось: **«Это еще не конец, погоди, что впереди будет»**.

Вот и теперь, в том безвестном времени, в какой нашей повестью пересекается его долгий путь, Хабаров в пыльных капитанских погонах дослуживал в одной из темных лагерных рот карагандинки, **намаявшись по лагерям от Печоры до Зеравшана долгие вечного урки, а большего не выслужив**. И да будет известно, что в степные капитаны попадаетея в главном человек **совестливый, труженик**.

2. Содержались служивые жалованьем да пайкой. Получку десятков лет не прибавляли, но со временем она и не убавилась потому если и не слишком наживались, то ценили в ней строгость. Втихую, правда, поговаривали, что за такую-то службу должны бы побольше денег давать. Полагая про себя, что жалованье существенно утаивают, мужики служили поплоше, чтобы не прогадать. А начальство и радо было по всякому случаю кричать, что такая служба и копейки не стоит ломаной и если пересчитывать, то служивые навек в долгу. Однако до пересчета так и не доходило – его одинаково все боялись, будто суда. Иначе обстояло с пайками и прочим довольствием. Летом пайку урезали, чтоб скопить хоть чего на зиму, также и осенью откладывали про запас. А

нагрянет январь, запаса – разве что воробья прокормить, и неизвестно ради чего голодали. Зэк – тот своего потребует, хоть зарежется, надзиратель утайкой сворует, а служивому откуда взять? Что доставляют из полка, не взвесишь. Говорят снабжают по нормам, а какие они? Начисляют живым весом, будто не понимают, что живой-то вес утрясается, ужаривается, а то и пропадает пропадом <...> Куда ни глянь, повсюду теснят, ужимают.

Толком и не служили, а выживали как могли <...> Тягостно жилось в Карабасе еще и потому, что место это стравливало подневольных людей. Если посудить, то **солдату** и нечего было делить с **зеком**, они и переглядывались разве что через лагерный забор. Солдат не мог отнять у зэка пайку, если же они терпели нужду, то ударяло и по **лагерным**, и по **служивым**, хоть и с разных боков <...> Для Хабарова **солдаты с зэками были не иначе как простыми душами**, а он многое повидал.

3. «Когда снимают с маршрута полковой грузовик, а потом вообще его отменяют, служивый человек остается со своими бедами один на один. Свои силы он тратит на пропитание, вместо того чтобы служить. Все жиры он растягивает, и тот же хлеб, запас картошки скоро у него кончается, или просто ему гнилую картошку привезли. А податься больше некуда, ложись и помирай. Читаешь газеты – вроде у нас все для человека, уважительно так с тобой разговаривают. А оглянешься кругом - **у нас хуже лагеря.** Чтобы занимать **казенную квартиру**, надо все это время служить. А как приходит пенсия и ты потерял на службе все здоровье, то **никому ты больше не нужен**, и выгоняют тебя в голую степь помирать. Пишут, что все люди равны. А командир-начальник все равно главнее и не сравним с солдатом, заступившим на свой пост. Почти весь год висят над головой дурные приказы, и сыплют толченное стекло тебе под ноги, на твою душу и разум. Сказать некому, **гражданская власть** тебя в резон не возьмет. А у своего начальства **не имеешь права** обжаловать. И грузовик полковой, единственная связь с миром, - кем он отменяется то и дело? Командирами-начальниками, кем же еще. Сидишь в казарме или в карауле без выходу и думаешь, что **зверям в лесу лучше, у них там устроено для полной жизни.** А ты вроде **в лагере находишься, хоть и не грабил никого и не убивал.** Отборный картофель, один к одному, удалось вырастить, так мало что отняли, еще и сгноили без пользы за то, что посмел без приказа, еще и с толку сбивать стали: тому ты друг, говорят, тому враг. Никто спасибо

не сказал за картошку, а все упрек, что землю взял. Говорят, **чтоб покорным был**, говорят, это главнее».

Как показывают приведенные контексты, понятие «казенный» кореферентно понятию «казенная (государственная) служба». Экстенсионал знака: *служивый (человек), государственная служба; лагерь, тюрьма, армия, вытрезвитель; солдаты, зэки*. В художественном пространстве текста происходит сужение экстенсионала до значения *‘стенной капитан’*.

Контенсионал знака

1. Интенсионал

а) гиперсема: *‘государственный’* (синтагматическая сочетаемость *казенная квартира, казенное барахлишко*).

б) гипосемы: *‘подневольный’, ‘казарменный’, ‘армейский’, ‘лагерный’, ‘ничейный’* (синтагматическая сочетаемость *казенный карман, казенное барахлишко, казенная квартира*); *‘служивый’*.

2. Импликационал

а) жесткий: *‘натруженность’, ‘совестливость’, ‘честность’, ‘вера’* («*<...> ведь служить надо, иначе рухнет все...» - проговорил с робостью капитан*), *‘труженник’*; (сема актуализирована повтором: «*И да будет известно, что в старшины попадается в основном совестливый человек, труженник, который все выдюжит, сколько бы ни вваливали, и притом не уберегая своего живота, не пьянствуя, не ворюя из общего котла или распяленного казенного кармана*»).

б) высоковероятностный: *‘безликость’* («*исчезает всякий отдельный человек*»), *‘простые люди’, ‘терпение’, ‘надежда’* («*Это еще не конец, погоди, что впереди будет*»); *‘безысходность’, ‘выживаемость’* («*Толком и не служили, а выживали как могли*»; «*По земле разметаны доски точно после какого-то крушенья. А подле них*

в голой почерневшей степи сидит неведомый богатырь и, обхватив чубастую голову, заводит такую приглушенную речь, как если бы предназначалась она только для двоих: «Жить надо, что бы тебе не сделали, назло и жить. Оно проще – спрятаться в говно, а как потом? Разве вечно-то просидишь? А земля под богатырем жалобно мычит, богатырь тихонько склоняется к ней, прислушивается. «Дышишь, что ли? – И говорит, как бы саму землю упрасывая: - Пойдем со мной, со мной не тронут. А хошь, новую амуницию справлю, самую лучшую? Слышь, пойдём справим, растопим баньку!».

Что было потом, того никто не узнает. Но Перегуд исполнил-таки свою обязанность и вызволил говноутопленника»);
‘покорность’, ‘ненужность’, ‘бесправность’, ‘повиновение’;

в) отрицательный. Формируется оппозиция, которая нейтрализует отрицательный импликационал и включает «отрицательные» семантические признаки в объем понятия «казенный»:

- служивые – надзиратели («Солдат не выслуживался на заключенных подобно надзирателям, которые и служили по доброй воле, и носы держали по ветру, будто легавые, - вот кинутся, чуть заслышав, ату их, триви!»);

- служивые – солдафоны;

- служивый – гражданский человек;

- служивые – гражданская власть;

- служивые – легавые («Легавый твой Победов и генералы все легавые»); «Можно сказать, что Илья Перегуд пил из вечного своего страха перед трезвостью. То ли это был душевный недуг, предвестие белых горячек, то ли от застарелого невежества, или это

накапливалась в нем безысходно злость, но Перегуд утверждал, порой с пугающей страстью, что есть в мире такая страшная сила, которая хочет всех казаков истребить. Эта сила называлась у него 'лежавые', точнее Илья высказаться не умел. Означала же она тот нехороший порядок, что заставляет человека повиноваться»).

Прагматические значение

- Оценочные семы: «Не имел семи пядей во лбу» ('недалекий'), не имел готового наследства» ('неимущий', 'бедный'); 'человек совестливый', 'труженик', 'простая душа', 'богатырь', 'хуже лагеря', 'зверям в лесу лучше', 'мертвый дом' («Самым страшным сном Ильи был сон о вытрезвителе. Что выпил он водки и гуляет в белой нарядной рубашке по своей родной земле. И вдруг подходят к нему "лежавые", хватают, кидают в окованный вонючим железом кузов той машины, что похожа на гроб. Прямо из кузова, вытряхнув душу, бросают в громадный мертвый дом, внутри которого все железное и ржавое, и опять же опахивает воблой, будто в доме старухи живут»).

- Семы-отношение: 'сочувствие'.

- Эмоциональные семы: 'обиди' («Вот и доброе утро, проспал ты службу!» «**Я не собака, чтобы служить**, - оцетинился капитан, - чего захочу, то и буду делать, уж ты мне не указывай». «Это верно...» - согласился охотно Илья, **имея верблюжий запас терпения**, а капитан отвернулся, уткнувшись в стенку, которая шумела навряде водопроводной трубы. По ней проистекала вся казарменная жизнь, которая в одну ночь **опротивела** Хабарову и которую стенка **безучастно** впитывала с голосами, со всем живым шумом»); 'безысходная злость'.

Подзаголовок (сильная позиция текста) 'народный роман' контаминирует со значения 'роман о народе' и 'роман, сочиненный народом', последнее, в свою очередь, актуализирует в названии семантику слова «сказка» в основных словарных значениях:

«1. Повествование, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущ. с участием волшебных, фантастических сил. 2. Выдумка, неправда, ложь» [4,625].

Первое значение актуализируется в тексте приемом стилизации; второе – аксиологично, определяет возможность интерпретации авторской точки зрения читателем и даже приобретает в тексте антонимичное значение «*Тут сгорела правда, товарищ генерал!*», правда о казенной (=армейской) службе.

Итак,

1) аксиологемы представляют собой субтекстовые категории, фиксирующие авторскую эмоционально-интеллектуальную оценку, его субъективные ценности;

2) в сильных позициях ментального пространства текста аксиологемы приобретают концептуально значимый смысл;

3) рождение значения аксиологического знака происходит в результате текстового композиционного распределения и взаимодействия общеязыковых (родовых и дифференциальных) и индивидуально-авторских (коннотативных) сем;

4) концептуальные характеристики выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты.

Список литературы.

1. magazines.russ.ru/novgi_mi/1994/7/pavlov.html.

2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. (На материале русской прозы XIX-XX вв.) – СПб., 1999. – С. 74.
3. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№16). 1992. – С. 34.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. докт. филол. Наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – М.: Рус.яз., 1984.

T.V. Romanova

The axiologeme '*bureacratic*' in the novel by O. Pavlov "The Bureacratic Fairy-Tale (Folk novel)".

The article focuses on the axiological sense of the adjective '*bureacratic*' and its role in the conceptual structure of the text of the novel "The Bureacratic Fairy-Tale" by O.Pavlov. The author of the article analyses the lexical units which represent the given sense, studies their lexical interpretation, comments on their speech contexts.

Key words: *conception, conceptual sense, the conceptual structure of the text, subcategory, axiologeme.*